

*За личным счастьем не гонись
И Богу уступай — не споря...*

Некрасов принимает жизнь не только в ее земной ипостаси, но и в надмирно-духовной. Если на протяжении всей поэмы Дарья говорит о труде, о тяжело заработанной «крестьянской копейке» и т.п., то сам автор всем ходом внутренней идеи поэмы подтверждает, что жизнь человеческая к этому не сводится, что она поистине чудесна, управляема высшими силами. Вот почему в финальных строфах поэмы «Мороз, Красный нос» звучат слова: «Она улыбалась. // Жалеть мы не будем об ней». Некрасов говорит здесь о Божием Промысле, с которым не нужно спорить, ибо Он благ. Более того, смерти, представленные в поэме, выдают подлинную святость людей. Вот почему не нужно жалеть о Дарье. В житиях святых часты упоминания того, что на их похоронах люди чувствовали Пасху, т.е. неизбежность воскресения святого человека. Так ощущает Дарья успение схимонахини, так сам автор представляет успение Дарьи, распростившейся с земной тяжкой долей и теперь безболезненно, в чудном счастливом сне перешедшей к жизни Небесной. Перед нами не смерть, а успение:

Нам слаще нигде не уснуть!

.....
*А Дарья стояла и стыла
В своем заколдованном сне...*

Точно так же об успении говорит Некрасов по отношению к Проклу, называя его «Уснувшим Проклом»:

*Уснул, потрудившийся в поте!
Уснул, поработав земле!
Лежит, непричастный заботе,
На белом сосновом столе...*

Смерть в поэме не только не безобразна, но даже поэтична: есть эпическая поэзия в описании лежащего на столе под иконами Прокла. В некрасовских строфах есть акцент на своеобразной красоте христианского успения:

*Лежит неподвижный, суровый,
С горящей свечой в головах,
В широкой рубахе холщовой
И в липовых новых лаптях.*

*Большие, с мозолями, руки,
Подъявшие много труда,
Красивое, чуждое муки
Лицо — и до рук борода...*

Эта красота — красота святости человека, преставившегося Богу. Отсюда образ Прокла у Некрасова охвачен евангельской метафорикой: автор сравнивает его с «голубем»:

*Спускали родимого в пролубь,
Под куричий клал насест...
Всему покорялся, как голубь...*

Образ голубя в данном случае восходит к евангельским словам Иисуса Христа: «Будьте... просты, как голуби» (Мф. 10, 16). Недаром с голубицей-горлинкой сравнивается и умершая в монастыре схимонахиня: «Ты меж сестер словно горлинка белая // Промежду сизых, простых го-

лубей». Очевидна святость этой почившей схимонахини, которую Дарья не только называет «ангелом», но и обращается к ней, как к святой, за помощью в своем деле:

*Этак-то ангелы кротки!
Молви, касатка моя,
Богу святыми устами,
Чтоб не осталась я
Горькой вдовой с сиротами!*

Таким образом, перед нами проходят три необычные смерти: смерти святых людей. Несмотря на трагичность событий, мы ощущаем глубокую поэзию в описаниях Некрасова. Все дело в том, что в поэме вершит людские судьбы Божий Промысл. Он-то и является главным героем поэмы.

Конфликт житейской логичности и неожиданно проявляющейся, «алогичной» Божьей воли подкреплен в поэме, казалось бы, совсем не обязательным образом юродивого Пахома, о котором практически никогда не упоминают комментаторы поэмы. В VII главке поэмы, после описания того, как отец вырыл для Прокла могилу, а мать купила для сына гроб, появляется этот необычный персонаж. Прежде чем продолжить нашу мысль о его месте в композиционно-смысловой структуре поэмы, попытаемся взглянуть в этот образ, учитывая, что Некрасов, хотя и склонен к изображению христианского подвижничества, в том числе юродства, нечасто помещает в своих произведениях подобного рода героев. Вырастает «старинный знакомец Пахом» в поэме, словно из-под земли; поэт подчеркивает экзотичность и самого появления героя, и его одежды, повадок:

*Деревня еще не открылась,
А близко — мелькает огонь.
Старуха крестом осенилась,
Шарахнулся в сторону конь —*

*Без шапки, с ногами босыми,
С большим заостренным колом,
Внезапно предстал перед ними
Старинный знакомец Пахом.*

*Прикрыты рубахою женской,
Звенели вериги на нем...*

Перед нами классический юродивый. Зимой он ходит без одежды, без шапки. Возможно, Некрасов и имел опыт личной встречи с подобным деревенским юродивым. Скорее же всего — поэт составляет контаминированный образ, отсвечивающий сразу многими особенностями, взятыми из житийной литературы о блаженных. Ведь вряд ли «дурак деревенский» сумел соединить в себе одновременно такие особенности внешнего облика многих юродивых, как скитальничество (а именно о скитальничестве говорит его внезапное появление на дороге от кладбища), хождение босиком и без шапки, ношение железных вериг, хождение в женской одежде, мычанье вместо речи.

В житийной литературе все эти внешние признаки юродства «равномерно распределены» между различными типами юродивых (и это в очередной раз подтверждает, что Некрасов неплохо знал житийную литературу).